

УДК 130.2

А. В. Максименко

(аспирант кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

E-mail: a_teacher@bk.ru

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «НАЧАЛА» ИСТОРИИ

Аннотация. В статье исследуется проблема субъекта истории в свете проблемы «начала» человеческой истории, анализируется сущность труда как процесса, производящего общество / формы общественной связи и выступающего скрытой истинной силой общественно-исторического движения.

Ключевые слова: социальная сущность человека, субъект истории, марксистская концепция труда, труд как субстанция-субъект истории.

Чтобы понять, когда и каким образом началась человеческая история, определить ту движущую силу, которая превратила примитивное, хрупкое, уязвимое существо в человека разумного, ставшего «доминирующим» существом, господствующим в мире, мы должны сначала определить, что мы подразумеваем под «человеком», определить то методологическое основание, на котором в последующем выстроится научно-философское решение проблемы «начала» истории.

Вопрос о сущности человека является, пожалуй, столь актуальным во всей истории философской мысли, столь и самым загадочным. С античных времен и до наших дней философы не перестают обсуждать проблему сущности человека, строя все новые и новые концепции, осмысливая, прежде всего, место человека в мире, его природу и сущность. Слишком выделяющаяся индивидуальность человека маскирует собой целостность и всеобщую социальную сущность индивидов, и наш рассудок, рассматривая человека, склонен дробить его природу и забывать о ее глубоких связях и безграничных горизонтах. Отсюда все еще заметная тенденция ученых усматривать в индивидуальном бытии истинное положение вещей, строя субъективистские концепции человека как существа, автономного и независимого от объективных закономерностей развития общества и природы, познавая человека, исходя из субъективного «Я» – через глубинные сферы внутренней индивидуальной жизни.

К таким концепциям, в которых прослеживается бытие индивидуальности, путь человека к внешнему миру и обществу, можно отнести теорию человека как *animal symbolicum* Э. Кассирера; наделенное духом животное у М. Шеллера; обладающего эксцентричной позиционностью человека у Х. Плеснера; биологически несовершенное существо, стремящееся компенсировать свою неполноценность при помощи общества и культуры (А. Гелен); человека как сумму поступков у Ж. П. Сартра и пр. [1]. Правомерно однажды заметил М. Шелер, что «многолетнее и основательное изучение проблемы человека дает... право утверждать, что по вопросу о происхождении и сущности человека наш век отличается такой чрезвычайной пестротой, такой расплывчатостью и неопределенностью, каких не наблюдалось ни в одну эпоху. На протяжении тысячелетней истории мы являем собой первую эпоху, в которой человек стал совершенно и безусловно “проблематичным”, когда он

больше не знает, что он собой представляет, но зато одновременно знает о том, что он этого не знает» [2, с. 133-134].

Существенное отличие от антропоцентрических взглядов, доминирующих в философской среде еще со времен эпохи Возрождения, составляют взгляды на проблему сущности человека, восходящие к Гегелю и Марксу, которые, поселив человека не в пространстве, а во времени, определили историю и культуру его новым домом.

Развивая идею классической немецкой философии XVIII-XIX вв. о специфике человека, согласно которой разумность человека возникает благодаря способности к активной свободной деятельности, Маркс и Энгельс пришли к выводу об основополагающей роли прежде всего практической деятельности в становлении и развитии всего общества и, следовательно, также и человека.

Существенным аспектом антропологической характеристики человека является его социальная природа: человек обладает биологическими свойствами, присущими ему как виду, однако эти свойства являются лишь исходными предпосылками, при наличии которых развертывается специфический образ жизни человека как члена общества, как носителя культуры. То есть, человек является живым разумным существом, возникающим и формирующимся в качестве такового только в общественных, социально-культурных условиях.

Чтобы понять, почему человек стал человеком, что его отделяет от всего остального мира живых существ, необходимо вернуться к истокам – к «началу» истории, понимая при этом историю как «реальный процесс развития общества в целом» [3, с. 368], и, следовательно, проследить возникновение общества, т.е. форм совместной коллективной деятельности людей.

Философское учение марксизма о социальной природе человека, где человек исследуется как продукт общества (сквозь призму общественных отношений), позволяет устранить из истории всё сверхъестественное и утверждать, что «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [4, с. 119]. Иными словами, люди творят историю не по своему собственному произволу, а на основе существующих объективных условий и закономерностей в системе общественных отношений. И, соответственно, не человек сам по себе (отдельно взятая личность), равным образом как и не социальные группы или иные общности людей (народные массы, политические объединения, этносы, нации и пр.) являются конечной движущей силой истории, субъектом общественно-исторических изменений, а нечто иное, существующее в действительности отнюдь не в виде антропоморфного существа (столь близкого и понятного эмпирическому сознанию с его набором взглядов и представлений), а в виде процесса общественного производства, элементами и звеньями которого выступают все эти индивиды, классы, социальные группы и прочие образования социально-экономической и политической структуры общества.

С точки зрения Маркса, подлинным субъектом истории является труд и формы его разделения, т.е., согласно Т. Э. Рагозиной, «складывающиеся естественно-историческим образом *объективно-целесообразные* (и потому – *разумные*) *формы его организации*. Именно они, объективно-целесообразные формы общественного разделения труда *делают* членов феодального общества сначала независимыми частными производителями, *превращая* их затем в новый общественный класс – класс предпринимателей-капиталистов; и именно это же самое разделение труда,

продолжает Маркс, *делает* в то же время независимыми от них самих весь реальный процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, *порождая* тем самым совершенно новый тип общественных связей, которых раньше не было» [5, с. 49].

Труд как основа истории и необходимое условие общественного прогресса, способ развития социальной материальной сущности, был определен в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, а именно: «...труд был понят ими как субстанциальное свойство человека, производящее общественное бытие, а через него и общественное сознание людей в процессе преобразования природы. Труд был понят как социальный материальный процесс, в ходе которого люди создают необходимые им средства жизни и косвенным образом саму эту жизнь», – замечает В. В. Корякин [6, с. 60].

Однако, при освещении субстанциальной роли труда как основы общества и истории некоторые советские философы как правило допускали односторонне-упрощённое толкование труда, сводя его к одной из частных форм существования – к орудийной деятельности, воспроизводя таким образом ошибки и трудности старого материализма и классической буржуазной политической экономии.

В ряде своих работ Т. Э. Рагозина, описывая недавнее философское прошлое, подчеркивает, что «...действительное содержание труда как субстанции общественно-исторического процесса оказалось усеченным до объема одной из его сторон, одной из особенных форм его существования – *орудийной деятельности*» [7, с. 16], протекающей по схеме «цель – средство – результат». Логическая несостоятельность данной трактовки, пытавшейся объяснить происхождение сознания посредством апелляции к орудийной деятельности, для которой характерно наличие цели как некоего предшествовавшего всему процессу труда элемента, как некой идеальной модели, состоит в том, что она явно или неявно, но уже предполагает «...наличие готового человека с готовым сознанием, – человека, уже способного отличать себя от природы и противопоставлять себя окружающему миру» [8, с. 23]. Получается замкнутый круг, в котором труд, выступая предпосылкой возникновения человека и его сознания, уже содержал в себе сознание в качестве готового структурного элемента, который сам оказывался условием и предпосылкой осуществления самого труда. Следовательно, такая форма труда, при которой предполагается «наличие готового человека с готовым сознанием в виде *цели* и *осознанного способа действий*, – подчеркивает Т. Э. Рагозина, – свидетельствует о том, что... эта форма труда сама носит уже *производный* и обусловленный, а отнюдь не субстанциальный характер» [9, с. 20].

Действительно, ведь если рассматривать в качестве начала человеческой истории труд как способность человека к орудийной деятельности, то чем тогда будет отличаться человек от обезьяны, освоившей палку? Почему тогда в процессе освоения орудийной деятельности у обезьяны не развивается сознание и речь? Потому что не всякий «труд *вообще*, а только такая его наличная форма, которая самой своей структурой (внутренней организацией) образует всеобщую *форму социальности и зависимости индивидов друг от друга*, – только такой труд может быть *источником* (субъектом) и *основой* (субстанцией) общественно-исторического развития» [9, с. 20].

Исходя из вышеописанного понимания роли труда как процесса, производящего не только средства существования, но и качественно изменяющиеся формы совместной деятельности индивидов, являющиеся одновременно формами их со-

циальной связи, история предстает перед нами как «прогресс форм коллективной деятельности людей, а не просто поток направленных событий, осуществляющийся в одних и тех же, от века данных формах» [10, с. 13].

Теоретическую реконструкцию форм коллективной деятельности людей, социальной системы Т. Э. Рагозина предлагает рассматривать с позиции понимания труда как субстанции-субъекта исторического процесса, при этом преодолевая массовый стереотип представлений о труде как «начале» истории, существующим в форме орудийной деятельности.

Чтобы понять *труд* в качестве «начала» общественной истории людей, в качестве основы общества и источника всех его исторических изменений, необходимо, подчёркивает Т.Э. Рагозина, рассматривать труд не как производство *вещей* и *предметов* (включая орудия труда), не со стороны его натуральной, чувственно-вещественной формы, а со стороны его сложившейся естественно-историческим путём *социальной формы*, т.е. как деятельность по производству самой формы *общественной связи* индивидов. Иначе говоря, имманентно присущая труду его *социальная форма* только и может быть понята и обоснована в качестве «начала» истории, а именно: как всеобщая основа возникновения общества, как *закон существования* и развития человеческого истории.

Согласно концепции Т. Э. Рагозиной, особенность этой конкретно-исторической формы труда (в отличие от индивидуальной орудийной деятельности) состоит в том, что здесь труд выступает «...как некий *социальный метаболизм*, совершающийся в рамках совместной деятельности многих индивидов, направленной на достижение общего результата, и потому протекающий в форме *обмена деятельностью*, в ходе которого впервые возникают специфические узы *общественной связи и зависимости индивидов друг от друга*» [9, с. 22-23].

Таким социальным метаболизмом, взаимным обменом деятельности представляется загонная охота как один из видов деятельности в первобытной общности; деятельности, результатом которой «в каждый данный момент (помимо собственно охотничьей добычи) оказывались определённые формы связи и зависимости индивидов друг от друга и от их совместно осуществляемой деятельности (вместе образующие то, что принято называть обществом)» [9, с. 16].

Известно, что самые ранние человеческие общества представляли собой небольшие группы охотников-собирателей, которые жили за счет земли и совместно делили ресурсы. Древние общества по понятным причинам ещё не имели централизованной политической структуры или жесткой социальной иерархии. Вместо этого они полагались на неформальные сети сотрудничества и взаимности, чтобы выжить в суровых и непредсказуемых условиях. Одной из форм такого сотрудничества как раз и являлась загонная охота, как более прогрессивная отрасль хозяйства, во многом определившая развитие первобытных человеческих коллективов.

Некоторые ученые-антропологи отмечают, «выделение человека из животного мира стало возможным только благодаря труду, который сам по себе представлял коллективную форму воздействия человека на природу. Переход даже к простейшим трудовым операциям мог произойти только в коллективе, в условиях общественных форм поведения. Это обстоятельство позволяет утверждать, что уже на самых ранних этапах антропогенеза и истории первобытного общества имело место регулирование в добывании и распределении пищи» [11, с. 139-140]. И одно из важных мест отводится именно охоте, которая в своей простейшей форме – загонной охоты, является как раз именно тем процессом, во время которого индивиды

совершают определенные действия под воздействием природных внешних факторов (природного ландшафта, поведения зверя, количества индивидов, принимающих участие в охоте и т.д.). Данный совместный способ деятельности людей является «исторически первой *системой разделения труда*, которая изначально существовала в виде *внутреннего членения труда на отдельные операции*, выполняемые отдельными индивидами» [9, с. 24].

Механизм загонной охоты первобытных коллективов основывался на сотрудничестве между охотниками, которые группировались в отряды или команды. Процесс загонной охоты начинался с выделения группы охотников, которые сбивали животных с пути, двигая их в направлении, где уже были установлены другие ловушки, в том числе и природного характера (обрыв скалы, болотистая местность и пр.), или где ждали остальные охотники.

Каждый охотник играл свою роль в достижении всеобщей цели – изгнании и перенаправлении животных на заранее выбранный участок. Операции, выполняемые участниками охоты, заключали в себе некую форму целесообразности, т.е. соответствовали цели, на достижения которой и были направлены определенные действия согласно распределившимся среди участников ролям. Однако целесообразность, как всеобщая форма трудовой деятельности первобытного коллектива людей, не была заданной субъективной целью, не служила реализацией индивидуального намерения. Благодаря целесообразности, все члены коллектива способствовали выполнению общей цели, приходили к одному результату благодаря совместной деятельности, совершенствовавшейся постоянно. Такая исторически первая совместная коллективная деятельность людей, предполагавшая определённое разделение труда, выступавшее одновременно формой социальной связи между индивидами, являет собой действительное «начало» истории человечества. Что же касается труда как орудийной деятельности, то она является более поздней исторической формой, производной от труда как обмена деятельностью, совершавшегося в ходе осуществления загонной охоты.

Однако, историческая миссия загонной охоты на этом не заканчивается: как констатирует Т. Э. Рагозина, загонная охота, являясь исходной формой устойчивых социальных связей и одновременно формой объективной целесообразности, выступила также «в качестве *социальной основы будущего индивидуального сознания*: действия всех участников загонной охоты, являясь *фрагментами общей формы объективной целесообразности*, будучи тысячекратно повторены и отработаны в качестве таковых, со временем становятся действиями, предпринимаемыми ими уже вполне *намеренно и специально*, а вовсе не стихийно и спонтанно, как это было вначале, приобретая *индивидуально осознанный* характер исполнения каждым участником того или иного конкретного действия – характер *субъективной целесообразности*» [9, с.24-25].

По мере того, как разделение труда вело к появлению устойчивых индивидуальных навыков и опыта, участники совместной деятельности становились более специализированными по части выполнения закреплённых за ними функций. Такая специализация неизбежно способствовала развитию индивидуального сознания и индивидуальных способностей людей, которые со временем нашли своё применение уже и в индивидуальной орудийной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Максименко А. В. Проблема человека в современной западной философии: основные подходы и решения // Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – 2022. – № 2 (16). – С. 56-64.
2. Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность. – 1991. – № 1 (2). – С.134-135.
3. Кон И. История // Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1962. – Т. 2. – С. 368-376.
4. Маркс К., Ф. Энгельс. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т.8. – 705 с.
5. Рагозина Т. Э. Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года / Отв. редактор к.филос.наук, доц. Рагозина Т.Э. – Донецк: ГОУВПО «ДонНТУ», 2017. – С. 40-55.
6. Корякин В. В. Эволюция материалистического понимания труда (классический и советский марксизм) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. – № 1 (3). – С. 56-71.
7. Рагозина Т. Э. О некоторых уроках критического «сведения счётов» с недавним философским прошлым / Т. Э. Рагозина // Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-практической конференции 24-25 апреля 2020 года / Отв. ред. С. И. Сулимов – Воронеж : Воронежский ЦНТИ, 2020. – С. 16-24.
8. Рагозина Т. Э. О философском обосновании труда, или: о необходимости критического сведения счётов с недавним философским прошлым / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). – 2019. – № 2 (10). – С. 20-35.
9. Рагозина Т. Э. Проблема начала истории, общества и культуры: труд как органическая система // Культура и цивилизация (Донецк). – 2022. – № 2 (16). – С. 17-35.
10. Рагозина Т. Э. Культура как явленная метаморфоза первичной реальности // Культура и Цивилизация (Донецк). – 2019. – № 1-2 (2). – с. 7-24.
11. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества: учеб. для вузов по спец. «История». – М.: Высш. шк., 1990. – 351 с.

A. V. Maksimenko

(Postgraduate student of the Department of Philosophy)
Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)
E-mail: a_teacher@bk.ru

**TO THE QUESTION OF THE SUBJECT OF SOCIO-HISTORICAL
CHANGES IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM
OF THE "BEGINNING" OF HISTORY**

***Annotation.** This article explores the problem of the historical subject in the light of the problem of the "beginning" of human history, analyzes the essence of labor as a process that produces society and forms of social communication, and acts as a hidden true force of the socio-historical movement.*

***Keywords:** the social essence of man, the subject of history, the Marxist concept of labor, labor as a substance-subject of history.*